

Лилия Подгайская

Злой демон в аббатстве Святого Галла

*Герцогство Швабия
Аббатство Санкт-Галлен
Осень 887 года*

1

Утреннюю тишину аббатства, только-только просыпающегося к первой молитве, разорвал громкий крик, исполненный ужаса. Молодой мужской голос сорвался на визг и неожиданно оборвался, отчего наступившая вновь тишина показалась страшной и даже зловещей. Разбуженные жутким криком монахи вскочили со своих лежанок и, встрёпанные со сна, замерли на мгновенье, а потом ринулись из дортуара на галерею, окружающую большой квадратный клуатр, куда выходили двери не только их помещения для сна, но и трапезной, гардеробной, кухни, бани. И здесь они снова замерли, потрясённые представшим их глазам зрелищем.

Под крышей деревянной галереи стоял,

словно поражённый молнией молодой монах брат Зигфрид, не более чем полгода назад принявший постриг, а перед ним на куске верёвки, привязанной к перекрытию галереи висело тело брата Ульрика. Смотреть на него было жутко. Посиневшее лицо, выпученные глаза, вывалившийся язык, и босые ноги, сведённые предсмертной судорогой, а на полу под висящим телом большая зловонная лужа.

Происшедшее было настолько диким, что просто не укладывалось в сознании. Все молчали. И тут молодой брат Зигфрид тихонько завыл. Его тело стала бить крупная дрожь, и он упал бы, не поддержи его стоящие ближе всего братья. А от дома аббата, расположенного сбоку от большого, высокого храма в виде трёхнефной базилики, уже бежал молодой служка. Крик брата Зигфрида долетел даже туда и сильно встревожил отца Гебхарда, нынешнего аббата старого монастыря.

Подбежавший к молчаливому сборищу служка не сразу увидел висящее на перекладине тело, но когда оно открылось его взгляду, он отреагировал, как и брат Зигфрид, — сначала дико закричал, а потом завыл, как несправедливо обиженный щенок. И теперь в полной тишине раздавались лишь два завывающих от ужаса молодых голоса. Остальные были просто парализованы увиденной картиной.

Аббат Гебхард, по доносившимся из клуатра

звукам понявший, что произошло нечто чрезвычайное, сам появился на поле действия. Его грузное тело подрагивало, дыхание сбивалось от быстрого шага, почти бега. Но увидев картину происшествия, и он на минуту замер, потрясённый. Потом вспомнив свои обязанности главного пастыря всей многочисленной братии, собрался с духом.

— Как это произошло? — спросил он не своим, каким-то охрипшим голосом.

Ответом ему была тишина, потом слышались голоса, из которых настоятель понял, что никто ничего определённого не знает. Висящее тело обнаружил самый молодой из всех, брат Зигфрид, который никак не может прийти в себя и до сих пор. Да, положение беспрецедентное. За более чем два с половиной века существования этого славного аббатства здесь никогда не было ничего подобного. И надо же, как раз ему, отцу Гебхарду, досталось такое ужасное происшествие. Будь то хоть убийство, хоть самоубийство — это страшный скандал. И епископ Соломон из Констанца это дело так не оставит. Сам он опекает монастырь Райнау близ Цюриха, и, конечно, не остановится перед тем, чтобы ославить их обитель на всю Швабию. И что делать? Но сейчас нужно было не рассуждать о последствиях, а действовать. И аббат велел снять с верёвки тело погибшего брата

Ульрика и перенести его в помещение госпиталя, где его должен внимательно осмотреть брат лекарь.

Необходимость что-то делать немного привела братию в себя. Повеление аббата было выполнено, следы ночного происшествия убраны. Но над Санкт-Галленом, как грозовая туча, навис страх, накрыв огромную монастырскую территорию и всех живущих здесь людей. И монахи, и слуги были перепуганы и растеряны. Разговаривали между собой меньше обычного и почему-то шёпотом. Всем было страшно. Утренняя служба несколько задержалась, что было недопустимо с позиции строгого устава, а голоса монахов, поющих молитвы, как принято во всех бенедиктинских монастырях, звучали не так слажено, как всегда. В трапезной тоже царило напряжение, и ели братья без обычного аппетита.

В тяжёлом раздумье пребывал и отец Гебхард. Устрашающее событие во вверенном его попечению аббатстве выбило его из колеи полностью. Почтенный аббат не знал, как ему поступить. Пожалуй, впервые в жизни он находился в положении из которого не находил выхода. Лекарь, осмотревший тело брата Ульрика, не смог сказать ничего определённого. И теперь у аббата не было понимания того, что произошло — сам ли покончил счёты с жизнью немолодой уже монах, пребывающий в монастыре года четыре, не более,

или его убили. И как узнать истину, он себе даже не представлял. А от этого зависело многое. Самоубийство — страшный, смертный грех, который не прощается, и таких людей, как правило, не хоронят в освящённой земле. Самоубийство монаха — вообще событие, не имеющее прецедентов в истории. Если же это всё-таки убийство, то и в этом нет ничего хорошего. Тоже исключительно тяжёлый случай, грозящий неприятными последствиями. И в полной растерянности аббат отправился в церковь, просить помощи у Господа — наставления, как найти выход из этого безвыходного положения.

После длительной истовой молитвы и горячих просьб о помощи, адресованных Господу нашему и Пресвятой Деве Марии, аббат вышел во двор клуатра и остановился на пороге церкви, углубившись в свои мысли. Тут его и оторвал от размышлений брат Ноткер Заика. Это был монах их аббатства, но положение его было особым. Он прославился не только в самой Швабии, но и за её пределами. Это был поэт, композитор, богослов и историк. В монастыре он был ещё учителем и распоряжался библиотекой. Это его перу принадлежит «Житие Святого Галла», в честь которого освящено аббатство. И именно к нему приезжал четыре года назад сам король Карл Толстый — заказать ему исторический труд

«Деяния Карла Великого», своего прославленного деда. И с этой задачей брат Ноткер справился блестяще.

— Понимаю ваше удручённое состояние, отец Гебхард, — мягко проговорил он, — событие действительно из ряда вон выходящее. Что сказал брат лекарь?

— Увы, брат Ноткер, он не может сказать ничего определённого, — отозвался аббат, — и я в полной растерянности, что теперь делать с телом брата Ульрика.

— Да, положение очень сложное и может получить нежелательный для монастыря резонанс, — негромко продолжил учёный монах. — Но мне кажется, что оно, всё же, не безнадежно.

— Вы знаете, кто может мне помочь? — оживился аббат.

— Мне кажется, да. Попробуйте привлечь к делу брата Бенедика. Он молод, конечно, ему только немного за двадцать, но у него необычный тип мышления. И в результате он часто видит то, чего другие не замечают. Я знаю это, потому что учил его в нашей монастырской школе. Удивительно одарённый был мальчик.

— Вы сняли камень с моей души, брат Ноткер, и я немедленно велю пригласить ко мне брата Бенедика, — просветлел лицом аббат и двинулся в сторону своего дома.

Брат Ноткер улыбнулся в ответ и проводил настоятеля взглядом. Дай, Господи, ему разобраться во всём, иначе их обитель ждут большие неприятности.

Брат Бенед явился на зов аббата быстро. Это был совсем молодой ещё монах, невысокого роста, щуплый и некрасивый. Но его глаза, тёмные, как небо перед грозой, светились умом, а взгляд их был глубоким и пронизательным. И аббат уверовал в то, что получит от него помощь.

Выслушав повеление настоятеля, брат Бенед только согласно кивнул головой и отправился выполнять задание. Он был, как видно, немногословен. Вернулся он часа через два.

— Вы можете со спокойной душой предавать тело брата Ульрика земле на монастырском кладбище, отец Гебхард, — уверенно заявил он, — это несомненное убийство, хотя выполнено оно очень аккуратно.

Пришедший вместе с ним брат лекарь подтвердил слова молодого монаха.

— После того, как брат Бенед обратил моё внимание на некоторые мелкие признаки, ранее мною незамеченные, я тоже утверждаю, что это убийство.

Так. Страшный грех самоубийства с обители снят. Но остаётся преступление, совершённое в стенах монастыря неизвестно кем, и непонятно, с

какой целью. А посторонних здесь нет. И что это может значить?

— Я пока ничего не могу сказать об этом деле, отец Гебхард, — тихо отозвался на эти не произнесённые вслух слова брат Бенед, — но для начала хотел бы узнать, откуда пришёл к нам брат Ульрик, и что скрывает его прошлое.

— Мудро, — удивлённо откликнулся аббат, — я велю брату Рудольфу, нашему приору, предоставить в твоё распоряжение все сведения, которыми мы располагаем..

И потянулось время. Ранняя осень с её золотыми листьями и солнечными днями начала уже сменяться прохладной хмурой погодой, время от времени поливающей землю дождём из нависших над ней туч. Но, всё же, было ещё достаточно тепло.

Брата Ульрика отпели и достойно предали земле на монастырском кладбище. Страшное событие стало отходить в прошлое, забываться. Но успокаиваться было рано, как оказалось. Поздним утром пасмурного и холодного осеннего дня брат смотритель кладбища с огромным волнением доложил настоятелю об ужасном событии на вверенном ему участке — могила брата Ульрика оказалась разрытой, а тело исчезло.

Отец настоятель тут же призвал к себе брата Бенеда — его способности к расследованию

произвели на него большое впечатление, поскольку он сумел рассмотреть то, чего не увидел даже брат лекарь. А события сегодняшнего дня, вернее ночи, со всей очевидностью подтвердили правоту молодого монаха. Брат Бенед явился, как и в первый раз, очень быстро и к новому заданию приступил сразу.

Территория монастыря была огромной. Центром её был, конечно, храм. При церкви находились зал капитула, ризница, где хранились монастырские ценности, библиотека, скрипторий и приёмная. Сбоку от храма, в стороне, противоположной дому епископа и находящимся рядом школы для мирян и дома для высоких гостей, располагались госпиталь с примыкавшим к нему помещением для хранения лечебных трав, за ним огород лекарственных растений, а дальше, под самой стеной ограждающей всё аббатство, монастырское кладбище. В другой стороне, за большим квадратным клуатром, находился обширный хозяйственный двор с множеством построек. Здесь располагались дома для прислуги, амбары, пивоварня, мельница, конюшня, птичий двор, коровник, свинарник — целое поселение на огороженном пространстве монастырской территории. Под высокой стеной тянулся большой плодовый сад. Огороды, поля и выпасные луга, принадлежащие монастырю, находились уже за

пределами аббатства и выросшего за его стенами города. Всё хозяйство монастыря содержалось в отменном порядке, но чтобы обойти и осмотреть все его участки, нужно было затратить много времени и сил. Преступнику, в наличии которого брат Бенед уже не сомневался, было, где развернуться, а вот ему придётся побегать.

Но молодые ноги легко носили невысокое худощавое тело, привыкшее к физическому труду, и брату Бенеду удалось осмотреть многие места. В конце концов, он сумел понять, куда девалось тело из могилы, но кто мог совершить это преступление, пока было неясно. Отцу настоятелю брат Бенед сообщил, что тело несчастного брата Ульрика, выкопанное из могилы, брошено в большой чан с известью, откуда черпают раствор для обработки садовых деревьев и некоторых других хозяйственных целей. При этом чан практически никогда не опорожняется до дна, в него часто подсыпают известь и подливают воду. Пошерудев там большой толстой палкой, брат Бенед сумел выловить жалкие остатки тела и одежды брата Ульрика.

Аббат был в ужасе.

— Но кто мог совершить это злодеяние, брат Бенед? — воззвал он к молодому монаху, зная, что ответа на этот вопрос нет, во всяком случае, пока что. — Ведь это кто-то из братии. Но кто? Кто?